

6165

Институт истории АН СССР
Отдел рукописей
Фонды

Дело № 32

32	№
28	ОПИСИ
I	РАЗДЕЛА
2	ФОНДА
АРХИВ К. П. П. П.	

Стекограшма Беседь

с 26. майором Точенцевым - Снегиревым Д.Ф.

T

АРХИВ ШИ П. П.	
№	ФОНДА 2
	РАЗДЕЛА I
	ОПИСИ 28

13

ОМ. 20

6/65

СЕКТОР ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

СТЕНОГРАММА

беседы с тов. ПОЦЕЛУЕВЫМ-СНЕГИНЫМ Дмитрием Федоровичем

Беседу проводит
научный сотрудник
Голубева Р.И.

Гвардии майор.
Командир батареи, командир дивизиона,
начальник штаба полка, начальник штаба
артиллерии дивизии, командир артиллерий-
ского полка.

Записывает
Пейсахзон Э.Я.

Год рождения 1912, русский.
Образование высшее - сельскохозяйственное
и литературное
Член партии с 1939 г.
До войны - писатель

г. Алма-Ата
20.XII.1946г.

Награды: Орден Красного знамени, орден Крас-
ной звезды, орден "Знак почета", три
медали.

Формирование дивизии началось 13 июля 1941 года.

Эта дата всегда у нас в дивизии отмечается как дата нашего
рождения.

С первого дня формирования до дня ранения я был в этой дивизи-
и.

Дивизия формировалась так: командный состав нашей дивизии
был весь из запаса, за исключением командиров полков, начальников
штабов и в отдельных случаях командиров батарей или командиров ди-
визионов. Остальной командный состав все были инженеры, агрономы
и т.д.

Командный состав подбирался по документам, которые находились
в военкомате, а комиссары рекомендовались ЦК партии.

19.12.46

На завтра утром он начинал в 6 часов, как закон, и он видел перед собой вновь фронт нашей дивизии. И опять 2-3 дня стоим, колотим и никуда.

Сдали Истру, Истринское водохранилища.

На Истринском водохранилище случилось большое несчастье.

Когда одна из батарей, прикрывавших водохранилище, немецкие танки остановились на нашем берегу. Они не расстреляли эту батарею, а взорвали под ней лед. И ездовой, и орудие, и лошади пошли ко дну.

Когда мы прогнали немцев из-под Москвы, мы пошли на Истринское водохранилище, и Заяц, командир батареи, несмотря на морозы нырял, и мы подняли свое орудие. Оно стало вновь на вооружение.

Наконец, рубеж Крюково, рубеж, который для нас являлся последним в смысле отхода.

Был такой случай.

Я уже командовал 3-м дивизионом, а этот третий дивизион мы подобрали. Бродил дивизион. Когда мы его подобрали, он оказался отдельным дивизионом, которым командовал сын Чапаева. Где-то их разбили. Управление дивизиона попало в одну сторону. Потом по газетам мы следили: капитан Чапаев стал полковником.

Этот дивизион подобрали. Командир полка подчинил его себе: Я командовал этим 3-м дивизионом.

В одну из ночей вызывает штаб полка. Сурово встречает. Всегда сурово встречал, а тут особенно подтянуто. Мы трое: командир дивизиона, комиссар дивизиона и комиссар полка. Н-ш старик, как мы его называли, в крестьянской избе, при свечах, прочитал нам следующие слова:

"Приказ.

Прошу вас продержаться до 2 декабря. И. Сталин".

Старик больше ничего не мог сказать. Отвернулся, засопел. Потом вдруг свирепо повернулся, тьякнул:

- По местам!

И мы все ушли на свои рабочие места с одним сознанием, что теперь только через трупы - никуда. Не надо было нам ничего об'яснять. Все было понятно. Совершенно

необ'яснимо, как это передается. Передалось это всему составу нашей дивизии.

Обстановка была такая, когда в пехотном полку оставалось по 70 человек. А то никогда не забуду эпизод, как я искал себе наблюдательный пункт на одной из дач. Вышел, смотрю: лежит казах с энергичным лицом, с воспаленными глазами, и по телефону кричит: "Я все сделаю. Со мной вместе 71 человек".

Это был старший лейтенант Момыш-Улы. Командир его полка был ранен, и он был легко ранен в позвоночник, но командовал полком.

Такая была обстановка.

Утро началось. Это утро началось с того, что 100 самолетов нас пикировали, они нас пахали.

За все бои, которые длились непрерывно около 40 дней, мы ни разу не видели наших самолетов. Раза два промелькнула, как сумасшедшая, наша дальняя авиация. Танков наших мы не видели, за исключением 4-х танков в районе Голубцова. Но их сразу подбили, они загорелись.

Наблюдательный пункт был в трубе кирпичного завода. Сознание заставляло уцепиться и не отходить. Были моменты в Крюково, когда в здании наверху были наши, а внизу немцы.

Что самое страшное: мы проклинали ясную погоду под Москвой, мы ненавидели ясную погоду. Но здесь и пурга, и метель, а они все равно летают и бьют и бьют.

Это был его последний удар под Москвой. Вдруг 2 декабря, - эта дата как раз в приказе указана, в приказе, который сформулирован был совершенно не по приказному, - пурга, метель, холод, мы слышим за спиной сильный рев, рев танков.

Мы так отвыкли от того, что у нас могут быть танки, что нам не по себе стало. Еще не хватало, чтоб нашу горсточку из тыла начали бить, тем более что мы знали, что за спиной со стороны Солнечногорска произошел страшный прорыв. Не буду говорить, как мы голыми руками брали танки. У нас 8 танков, окрашенных в цвет пустыни. Смотрим - наши танки и столько танков.

Пурга метет. Смотрим - идут наши самолеты и столько, что мы никогда не видели. Смотрим нас обтекают дивизии; одетые, обутые. У нас минометов не было - у них минометы, пулеметы.